

ДЕСЯТЬ лет назад июльским днем я вошел в его квартиру на станции Караганда-Сортировочная. Я знал предварительно не только то, что Роланд Фридрихович был в молодости режиссером походного театра прославленной Чапаевской дивизии, что судьба его интересна, богата событиями. Меня предупредили и о другом: что предстоит встреча с большим человеком, у которого скованы параличом ноги. Помню, в автобусе подумал: «Уж тут не скажешь в будущем очерке, как любят писать очеркисты, — «Навстречу мне поднялся...»

Талер не мог подняться. Но он отпустил рычаги коляски и протянул мне навстречу сильные руки. И весь он — от размаха плеч, от широкой улыбки до буйно взъерошенных седин над покатым лбом — показался мне необыкновенно сильным. Да таким он и был на самом деле. Смеясь, рассказывал потом:

— В одна тысяча девятьсот двенадцатом году, молодой человек, в моем воображении рисовались радужные картины спортивной славы. Да, да, не удивляйтесь. Я был лучшим гимнастом Самары! Самара послала меня на Всемирный всеславянский слет «соколов» в Прагу. Было такое спортивное общество — «Сокол». А вы говорите — «артист», — довольный собой похотывал Роланд Фридрихович.

Он так же весело поведал и про тюремные мытарства: те же «одна тысяча девятьсот», то есть в дореволюци-

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА

РАССКАЗ О НАШЕМ ЗЕМЛЯКЕ,
РЕЖИССЕРЕ ПОХОДНОГО ТЕАТРА
ЧАПАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ

Последняя
встреча
Граната

онные годы. Я перечитываю то, что записал об этом по горячим следам беседы и что легло в очерк десятилетней давности, названный мной «Широкая сцена — жизнь».

Самарское землячество студентов проводило вечера для сбора денег своим наиболее нуждающимся товарищам. Собиралось до тысячи человек послушать самодельные концерты. На одном из таких вечеров двадцатилетний Ро-

ланд прочитал со сцены «Каменщика» Валерия Брюсова:

— Каменщик, каменщик в фартуке белом.

Что ты там строишь? Кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом.

Строим мы, строим тюрьму. Роланд как в воду смотрел: как раз и для него строилась тюрьма.

Тюрьма. Глухие холодные стены. А совсем недавно — сцена театра, бурно аплоди-

рующий зал. Пока не ему. Но он все равно доволен. Так доволен, что больше не беспокоится, если из училища имени императора Александра благословенного снова спросят отца. Отец — народный учитель. Спросят: «Что с сыном?» — «Сын в училище», — скажет отец. Отец не допускает иной мысли. Но сын почти всю четверть околачивается в антрепризе Гудкова... Хоть он и читал ходящие в

тайных списках стихи, но чтобы себя представить в числе невольников — такого, пожалуй, не было. За что могли бы бросить его за решетку? Он не подумал об этом. Подумала жандармерия. Отец — старше, опытней. Он успел соблюсти формальность, чего не успели за триста лет сделать его давно обрусевшие предки, выходцы из Баварии. Народный учитель Ф. Ф. Талер выполнил присягу на подданство России и получил свидетельство «за надлежащим подписом и приложением казенной печати». Роланд соответствующей бумажкой к началу первой мировой войны не располагал и поэтому не мог рассчитывать на расположение к себе властей.

В очерке я описывал, как Роланду удалось в конце концов расстаться с тюрьмой. Зато теперь ему не разрешили расстаться с Самарой.

— На моей просьбе отпустить с театром Лебедева на гастроли в Краснодар генерал-губернатор наложил вето: «Проживание в Краснодаре отклоняю». Что мне было делать?

— Остались?

— Нет, уехал тайком. Только к концу гастролей два типа предъявили документы и посоветовали собираться снова в Самару. Пригрозили, что проследят за отъездом. Я был само послушание, сел на паром на их глазах, помахая рукой. Типы остались довольны. Да и я тоже. Я ведь спешил. Правда, не в Самару, а в Керчь, в антрепризу Барковского...

Зачем я через десять лет снова возвращаюсь к Талеру? Да потому, что хорошие люди вообще не забываются. Поэтому что он напомнил мне о себе сегодня случайно попавшей в руки книгой «Актеры — агитаторы, бойцы», выпущенной Всесоюзным театральным обществом. Талеру уже не взять в руки книгу своих фронтовых друзей Л. Граната и Н. Варзина. Он не преподнесет ее с дарственной надписью и своим питомцам — карагандинцам из театральной студии, которую организовал на общественных началах у себя на дому и долгие годы вел. При мальчишках и девчонках — его студийцах, помню, достал он медаль «За освоение целинных и залежных земель» и сказал:

— Самая дорогая из наград. Это не моя, это их медаль. Мы вместе готовили концерты, а потом они ездили по совхозам области...

Впервые за нашу беседу голос Роланда Фридриховича дрогнул. Между прочим, в книге утверждается, что еще и сейчас «семидесятидвулетний Талер руководит в Караганде созданной им студией для старшекласников». Боевые друзья держали с ним связь, а вот с книжкой немножко запоздали...

Почему еще я снова возвращаюсь к жизни Талера? Од семьдесят второй — попувекская веха в истории советского многонационального государства. Мы хорошо знаем смысл интернационализма, провозглашенного Великим Октябрем. Собственно, даже

школьник ответит, что это такое. Но тому же школьнику сегодняшнему не известна биография моего героя. В 1914 его как выходца из немцев царское правительство препроводило в тюрьму. И тому же выходцу из немцев через пять лет выдано советской революционной властью примечательное удостоверение.

«Настоящее удостоверение дано тов. Талеру Роланду в том, что он является сотрудником инструктором-режиссером секции культурно-просветительного отдела Политотдела 25. Тов. Талеру поручается агитационно-организаторская и культурно-просветительная работа в частях 25-й стрелковой дивизии в районе ее расположения. Всем военным и гражданским властям оказывать тов. Талеру всяческое содействие при исполнении возложенных на него обязанностей.

Замполитотдела 25 Суворов». На фронтах гражданской войны сражались интернациональные полки. Дело не в национальности — дело в убеждениях, — провозгласила Советская власть. Это было ново, но это было понятно. Именно этого ждали от революции народы.

У Талера путь в Чапаевскую дивизию лежал через Керчь. Затем через Балаково, где в конце 1917 года власть не один раз переходила от белых к красным и наоборот. Дальше — через Петровск, где Талер был одним из первых членов Коммунистического Союза Молодежи.

В день нашей встречи Талер разыскал оригиналы афиш, которыми пестрели в то время стены Петровска. В одной из афиш говорится, что в театре Союза Коммунистической Молодежи «при участии артиста Р. Талера поставлена будет драма «Огни Ивановой ночи». Крупным печатным шрифтом выделено: «Зал отоплен» — слова, выдающие 1919 год.

Листаю упомянутую мной книгу «Актеры — агитаторы, бойцы». На одной из страниц — фотография Талера «чапаевского» периода, Талера молодого, даже, может, несколько экстравагантного. Фото в разделе «Возмужание театра». Автор книги Л. Гранат вспоминает:

«В конце июня 1919 года Чапаевская дивизия была перебросена с колчаковского на Уральский фронт... Старожилы рассказали, что в Уральске находится группа артистов, и мы пригласили некоторых из них. В конце августа политотдел прислал нам сразу двух режиссеров — Роланда Талера и Л. Павленко. Мы долго колебались, на ком остановиться — ведь нам требовался только один режиссер. Выбор пал на Талера как на человека более энергичного и темпераментного. С приходом Талера дело пошло веселее. Он значительно расширил наш репертуар. Талер немало помог чапаевскому театру. Он сразу сумел расположить к себе коллектив, завоевал авторитет и признание. Простой,

доступный, он всего себя отдавал делу.

А дело актерское для большей части труппы, состоящей из бойцов, было непривычным. Начинать с азав учебу: как двигаться по сцене, общаться с партнером. Иногда артист-красноармеец заявлял, что не может играть купца или помещика — такой герой противен ему. Для массовых сцен не хватало женщин, тогда наряжали в платья актрис, забывшись на сцене, поднимал длинный подол и лез в карман брюк за носовым платком...

Но, конечно, больше было моментов драматических. Дивизия шла путем боев, тот же путь был и у театра. Когда во время представлений начинали рядом со сценой ложиться снаряды и спектакль прерывался, красноармейцы ругали белых, но ни за что не хотели расхотиться. Руководитель театра Л. Гранат был вынужден обратиться к Чапаеву. И Василий Иванович однажды со сцены распекал бойцов:

— Какого же черта вы не слушаетесь, когда приходите на спектакль. Отвага — дело хорошее, а дисциплина во всем требуется.

За кулисами, однако, как бы споря с самим собой, он сказал: «Наша сила, браток, в том, что не боимся мы вражеских снарядов...»

В Лбищенске Роланд Талер от руки написал объявление: «Походный театр политотдела

25-й стрелковой дивизии. Будет поставлена революционная пьеса «Гражданин». После спектакля был получен приказ театру с оркестром перебраться в Сахарную.

Как потом выяснилось, театральный обоз прекрасно видели залегшие в оврагах близ Лбищенска белоказаки, но сознательно пропустили его, чтобы не поднимать тревоги. А в Лбищенске ночью разыгралась трагедия, неравный бой. Не стало Чапаева.

Много рассказывал мне Талер о легендарном комдиве. Но я рассказываю о Талере. Роланд Фридрихович первый в стране осуществил постановку пьесы «Чапаев», написанной женой Фурманова Анной Никитиной, заведовавшей культпросветом политотдела 25-й дивизии. В пьесе Талер сам и сыграл роль Чапаева.

С окончанием гражданской войны не окончилась походная жизнь артиста и режиссера. Он показывал мне фотографию: на караване верблюдов труппа «По степям Казахстана» (во главе с Талером) в гастрольной «поездке», как бы сказали сейчас, по казахским аулам...

Чтобы рассказать о всей жизни Талера, мало одного и нескольких очерков. Я рад, что состоялась эта, еще одна, встреча с ним. Рад, что еще раз могу напомнить, какой замечательный жил среди нас человек.

Н. КУЗНЕЦОВ.

19 MAR 1972

Иллюстрация к статье
Г. Караганда